

Academia. Архитектура и строительство, № 3, стр. 171–174.
Academia. Architecture and Construction, no. 3, pp. 171–174.

События
Рецензия
УДК 69.059.4

DOI: 10.22337/2077-9038-2026-3-171-174

Кирпич в историю архитектуры Москвы

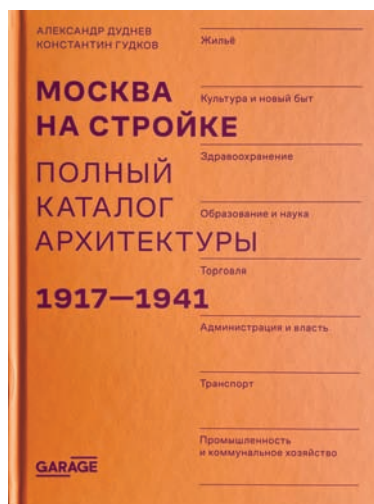
Печёнкин Илья Евгеньевич (Москва). Кандидат искусствоведения, доцент. Кафедра истории русского искусства Российского государственного гуманитарного университета (Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6). Эл. почта: pechyonkin.ie@rggu.ru

Шурыгина Ольга Сергеевна (Москва). Независимый исследователь. Член ICOMOS Россия. Эл. почта: olia85@list.ru

Brick to the History of Moscow architecture

Pechenkin Ilia E. (Moscow). Candidate of Sciences in Architecture, Docent. The Department of Russian Art History of The Russian State University for the Humanities. E-mail: pechyonkin.ie@rggu.ru

Shurygina Olga S. (Moscow), Independent Researcher. Member of ICOMOS Russia. E-mail: olia85@list.ru

Дуднев А., Гудков К. Москва на стройке. Полный каталог архитектуры 1917–1941. – Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2026. 1200 с.: илл. ISBN 978-5-6049361-7-7

В рамках издательской программы Музея современного искусства «Гараж» вышел объёмный том, посвящённый архитектуре советской столицы 1920–1930-х годов, авторы-составители которого – историки Александр Дуднев и Константин Гудков, не только предприняли попытку тотальной

каталогизации объектов, но и предложили реконструкцию самой системы производства историко-архитектурного знания, представляющего сегодня в изрядно маргинализированном статусе.

Заявка на тотальную ревизию науки о советской архитектуре, пусть даже в границах первой половины столетия, не только отвечает переломности исторического момента, в который родилась книга, но и обеспечивает высокий градус её дискуссионности. Тексты А. Дуднева и К. Гудкова представляют собой документ, по их собственному выражению, «вовлечённой истории архитектуры», когда вооружённый теоретико-методологическим арсеналом современных социальных наук и не чуждый «левого романтизма» исследователь внятно обозначает свою общественную позицию – в частности, в требовании «сохранять всё» архитектурное наследие.

То, что издание внешне напоминает строительный кирпич (толщина 1200-страничного блока, терракотовый тон переплёта), может быть неслучайным. Авторы уподобляют себя «простым рабочим и скромным чертёжникам» изучаемого времени (с. 14), намеренно дистанцируясь от академической традиции исследования архитектуры. Читатель встретит в книге немало «флешбэков», отсылающих к риторике столетней давности, начиная с названия, соимённого рубрике в одном из советских журналов. А. Дуднев и К. Гудков – безусловные энтузиасты, они верят «в науку как свободную

и коллективную работу, поэтому хотели минимизировать диктующие установки (рамки стиля, значимость объектов и авторов)» (с. 14). Этот демократический настрой, сопряжённый со скепсисом в отношении аффилиаций и академических регалий, замечателен. Как и многие наблюдения авторов за динамикой общественного восприятия архитектуры 1920–1930-х годов: в частности, за гипертрофией значения неосуществлённых проектов (из-за чего целая архитектурная эпоха ассоциируется у публики прежде всего с утопическими мечтаниями), за колебаниями оценки авангарда в диапазоне «глобальное vs национальное» или за выхолащиванием из реализованных объектов социального содержания, которое было важным условием их появления (см. джентрификацию знаменитого Дома Наркомфина). Впрочем, описывая себя как независимых исследователей, авторы не скрывают, что использовали для доступа к архивным фондам веский административный ресурс; это весьма снижает эгалитаристский пафос их выступления.

Книга состоит из двух частей – собственно претендующего на полноту каталога московских построек в пределах указанной хронологии и так называемой «Пояснительной записки», определяемой авторами как «запал», который должен взорвать «скучный» каталог» (с. 15). Пиротехническая метафора, как и нелестный эпитет для каталога как жанра, обусловлены убеждённостью авторов «Москвы на стройке», что одних лишь документально подтверждённых фактов для полноценной науки об архитектуре недостаточно. Ниже мы ещё вернёмся к обсуждению самой идеи о том, что каталог является простым сводом эмпирических данных – идеи, на наш взгляд, глубоко спорной.

Создатели книги уделили большое внимание её «эргономике», придумав новаторскую структуру, внутреннюю систему навигации и т.д. Примечательна открытость авторов для критики их труда, в том числе в форме исправлений и дополнений. Онлайн-технологии позволяют это сделать, но, разумеется, уже не в напечатанной книге, которая представляет собой вещественный итог работы, подлежащий оценке. К ней мы и приступим, начав с «Пояснительной записки» (т.е. с концептуальных проблем книги), а затем перейдём к каталожной части (т.е. выявленным фактологическим ошибкам – лишь некоторым!). Забегая вперёд, посетуем на то, что книга не имела грамотного научного редактора; это позволило бы избежать по крайней мере части обнаруженных недочётов.

Во-первых, проблематичны, на наш взгляд, выбранные авторами «Москвы на стройке» временные рамки. В тексте (даже в особом параграфе, посвящённом этому вопросу) нижняя граница никак не обоснована, напротив – говорится, что «...в источниках и на улицах мы видим доказательства того, что стройки были остановлены или брошены в 1917–1918 гг.» (с. 128). Тогда в чём смысл даты «1917» с точки зрения прагматики исследования? Она выглядит как простое заимствование советской периодизации (например, у В.Э. Хазановой; то, что Х. Хадсон следует ей в своей книге *Blue Prints and Blood* из-

данной Принстоном, не означает её безупречности). Если авторы пожелали уйти от банальной «авангардоцентричности» в описании межвоенной советской архитектуры, то нижняя граница уверенно падает на 1919/20 год. Даже радиобашня на Шаболовке (1919–1922) в этот диапазон вписывается.

Во-вторых, авторам, к сожалению, не удалось побороть терминологический хаос, царящий в отношении советской архитектуры интересующего периода. Подчеркнув вначале своё неприятие рамки стиля, они затем используют термин «конструктивизм» именно в стилевом смысле, упоминая об «иконах» этого стиля.

Более частный случай: павильон «Машиностроение», сохранившийся на территории Парка Горького от выставки 1923 года в виде железобетонного остова, в книге называется «Шестигранником» (с. 25, 42). Ошибка популярная, но строителям новой истории советской архитектуры странно не знать, что так назывался другой выставочный объект, тоже спроектированный бригадой И.В. Жолтовского, но давно утраченный.

Добавим, что обозначение архитектуры второй половины 1930-х годов как «неоклассики» несёт в себе чрезмерное упрощение и грозит путаницей с дореволюционной неоклассикой 1900–1910-х годов. При некотором внешнем сходстве зданий и даже тождестве персоналий (И.В. Жолтовский, А.В. Щусев, В.А. Щуко и др.) это были всё-таки разные явления.

Ещё один вопрос концептуального уровня состоит в том, насколько история архитектуры отождествима с историей бытования построек. Авторы книги не видят зазора между этими понятиями и недоумевают, отчего коллеги с архитектурным или искусствоведческим бэкграундом, изучая даже конкретные объекты, фокусируют внимание именно на процессе проектирования (с. 35). В ответ предположим, что предметом истории архитектуры является не функционирование пространственной среды, а деятельность по её созданию. Думается, одно не хуже или лучше другого; нарратив о жизни в домах не может и не должен заменить собой нарратива о движении творческой мысли архитектора, пусть и обусловленной массой внешних факторов.

Переходя к каталожной части, нужно остановиться на специфике каталога как жанра научной работы. Сами авторы признаются, что стремились «по-новому структурировать и анализировать» массив данных (с. 45). Раз каталог составлен, значит проведена первичная обработка информации, её систематизация и трактовка. Таким образом, позитивистски-объективистская природа «каталожной карточки» сильно утрирована авторами, и каталожная часть книги «Москва на стройке» подлежит анализу не только с точки зрения количества, но и качества.

По самому общему впечатлению каталог выглядит монументально (в общей сложности более 6200 единиц). Но уже сразу бросается в глаза особенность, отдаляющая его от предметной области истории архитектуры – отсутствие минимальной морфологической характеристики

объектов. В историографической части А. Дуднев и К. Гудков критикуют авторов одного из справочников по московской архитектуре 1920–1930-х годов за описания, которые «тавтологичны фотографиям» (с. 48). Но в их собственном случае никаких иллюстраций нет, и без указания таких базовых параметров, как материал, число этажей, подъездов и т.п., каталог архитектуры превращается в малоинформативный перечень объектов недвижимости. Избегая формально-стилевой рамки (здесь «междисциплинарность» оборачивается не сочетанием оптик, а простым выключением дискурса о форме), авторы, должно быть, путают описание с качественной оценкой.

Теперь о том, почему, рассматривая «Москву на стройке» в качестве настольного справочника, лучше запастись критическим мышлением и карандашом. Ограниченный объём рецензии позволяет коснуться лишь нескольких примеров, но и они довольно показательны.

Подчёркивая, как важен для объективного понимания истории советской архитектуры «голос» обывателя-современника, авторы на с. 287 приводят выдержку из «Архитектурной газеты», где оперная примадонна М.П. Максакова сетует на недостатки дома артистов Большого театра в Брюсовом переулке, упоминая «красивые двери, украшенные затейливым орнаментом, сделанные по рисунку акад. И.В. Жолтовского». В «каталожной карточке» этого дома (с. 286) приведён список его авторов, среди которых Жолтовский не значится (и здесь нет никакого открытия, так как давно и хорошо известно, что дом проектировала мастерская А.В. Щусева). Проще говоря, заслуженная артистка республики ошиблась. Остаётся неясным, для чего эту ошибку цитировать в книге, тем более безо всякого комментария? По крайней

мере часть читателей так и усвоит, что в щусевском доме стоят двери Жолтовского...

Вызывает сомнения и рубрикация каталога. В частности, в разделе «Транспорт» составители, к сожалению, выбрали неудачный принцип классификации автомобильных гаражей по типу транспортных средств – легковых, грузовых и автобусов. Дело в том, что многие ведомственные автопредприятия обладали разнообразным по составу парком – как, например, гараж АО «Интурист» на Суцёвском Валу, неверно отнесённый А. Дудневым и К. Гудковым к разряду «легковых» (с. 752). Этим примером можно проиллюстрировать и ещё одну проблему каталога: из «карточек» объектов ускользает информация о смене их ведомственной принадлежности, которая в 1930-е годы нередко случалась ещё в ходе строительства. Так, из «карточки» гаража «Интуриста» не видно, что датированный 1940 годом административный корпус возводился по проекту Н.И. Арбузникова и И.И. Оршанского уже для НКВД, который занял гараж, по факту ни дня не занимавшийся обслуживанием туристов.

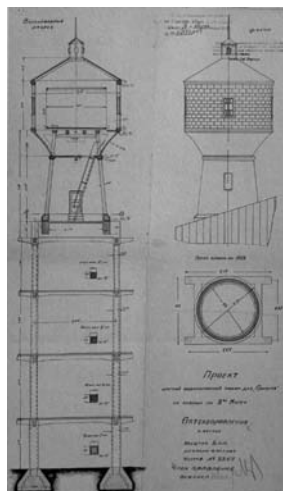
Стремясь к строгой классификации, составители каталога вынуждены были ввести отдельную рубрику «комбинированные и неучтённые [? – И.П., О.Ш.] гаражи» для объектов, о которых им не удалось найти достаточной информации. И здесь нас ожидает такой «перл», как не имеющий адреса [? – И.П., О.Ш.] и датированный 1932 годом гараж Ведомства обороны, проектировщиками которого указаны инженеры В.Г. Шухов и Я. Брода (с. 760). Скорее всего, перед нами очередной «поручик Киж», поскольку ферма Шухова-Брода – это нарицательное наименование определённого типа конструкции перекрытия (подобно ферме Полонсо и др.), но российский инженер Шухов и немец Брода не работали вместе, проек-

Надстройка доходного дома наследниц Хлудовых для здания Московского коммунального хозяйства (МКХ). Фото Я. Халипа, 1935 (с. 726)

Прессовый цех Завода имени Сталина (ЗиС). Фото 1930–1940-х гг. (с. 945)

Ф.В. Тицнер, В.Ф. Якоби (строительная контора В.Ф. Якоби). Проект водонапорной башни Химикофармацевтического завода им. 8 марта. 1928. ЦГА г. Москвы, ОХНТД. (с. 923)

Хлебозавод № 5 Московского союза потребительских обществ (МСПО). Фото 1930-х гг. (с. 935)

тируя московский гараж! Брода предложил свою вариацию системы Шухова, которая вошла в арсенал конструктивных решений тех лет. Составители каталога вроде бы имеют это в виду, но наивно вписывают Шухова и Брода в коллектив проектировщиков и другого гаража, где была использована такая ферма (с. 702). По этой логике в авторы любого железобетонного сооружения стоит вписывать садовника Монье. Досадно, что книга, авторы которой вознамерились развеять мифы и озарить путь к истине, может стать источником новых заблуждений.

Подводя итог, следует отметить, что колоссальный объём работы, проделанный авторами книги и теми, кто участвовал в её выпуске, вызывает безусловное уважение. Проект реконструкции истории советской архитектуры, сформулированный столь определённо и амбициозно, давно ожидаем. На наш взгляд, несмотря на то что генеральной задачей труда являлось создание исчерпывающего каталога, в концептуальном осмыслении феномена советской архитектуры 1920–1930-х годов авторам удалось достичь большего. При всех терминологических и хронологических коллизиях, у них получился выразительный манифест «вовлечённой истории архитектуры» с выразительными «историями», подробной ретроспективой борьбы за валоризацию архитектурного наследия изучаемого времени, критикой механизма его «товаризации» и сегрегирующей системы охраны наследия в целом, глубоко

критическим историографическим экскурсом и справедливыми указаниями на системные ошибки коллег при атрибуции авторства и введении в научный оборот новых источников. Интересен взгляд на архитектуру изучаемых времени и места в оптике «пространственного поворота», полемика с тоталитарной парадигмой исследований и традицией виктимизации авангарда, подсвечивание роли строительной кооперации (это особенно близкий и понятный авторам сюжет) и т.д. Словом, представляется, что получился не каталог с «пояснительной запиской», а напротив – довольно оригинальная, новаторская монография с приложенным перечнем объектов.

Отметим, что продуктивными явились и многие архивные разыскания авторов книги: например, открытие имени архитектора Хлебозавода № 5 (публика привыкла довольствоваться фамилией инженера-технолога Г.П. Марсакова, который изобрёл кольцевой конвейер, но не проектировал конкретное здание). А. Дудневым и К. Гудковым был обработан грандиозный массив информации и, что очень ценно, для каждого объекта даются ссылки на архивные источники. На страницах книги опубликовано немало подлинных архивных чертежей. Однако полным (окончательным, исчерпывающим и т.п.) составленный ими каталог считать невозможно. Очевидно, что для корректного осуществления столь капитального проекта требовались бы ресурсы целого научно-исследовательского коллектива.